

На примере рассмотренного нами материала видно, что «символическое значение» далеко не во всех случаях совпадает с его лексическим значением»⁴. Пословицы и поговорки обладают чрезвычайно богатой метафоричностью и иносказательностью, что в большой степени влияет на это несовпадение.

Американский ученый С. Ньюман, исследуя восприятия звуков, которым в результате эксперимента были приписаны признаки «большой» или «маленький» заметил, что нельзя объяснять употребление одних звуков только в словах со значением «большой», а других — «маленький». Как показал анализ, «маленькие» и «большие» звуки встречаются в живом английском языке равномерно как в словах, обозначающих что-то большое, так и в словах со значением маленького. Значит, оценки противоположных по значению слов должны совпадать. В большинстве случаев так и получилось на примере рассматриваемого нами материала. Наиболее четко, как мы уже указывали, было это видно в семантической подгруппе Радость — Горе, где оба антонимичных сегмента получали очень близкие оценки. Об этом свидетельствует также сопоставление оценок противоположных по значению ключевых слов *красит-чернит*, которые получили по всем признакам оценки:

<i>красит</i>	2,93	2,98	3,00
<i>чернит</i>	2,77	2,93	2,98

На примере исследованного по рассмотренной методике паремнологического материала звуко-символическая связь между формой и содержанием в целом не проявляется. Причины отсутствия этой связи, по всей вероятности, заключаются в следующем. Во-первых, методика исследования, предложенная А. П. Журавлевым, неприменима ко всему языковому материалу. Во-вторых, паремии, связанные антонимически, выражают в итоге так же, как и слова-антонимы, один обобщенный смысл, а не разные смыслы. В-третьих, «связь между звучанием и значением может проявиться, а может и не проявиться, она не обязательна, а сила и частота ее проявления подчинена не жестким, непреложным закономерностям, а закономерностям статистического характера»⁵. В-четвертых, звуко-символическая связь между формой и содержанием языка во многих случаях обнаруживается не столько через использование определенного репертуара звукобукв (ведь их небольшое число в любом языке), сколько через неисчерпаемые по богатству красок тон, ритм, мелодику (так называемые, суперсегментные явления) звукового выражения, для исследования которых требуются принципиально новые методики.

¹ См.: Журавлев А. П. Фонетическое значение.— Л., 1974.

² Там же, с. 50.

³ Левицкий В. В. Семантика и фонетика.— Черновцы, 1973, с. 47.

⁴ Там же, с. 54.

⁵ Супрун А. Е. Структура языка.— В кн.: Общее языкознание. Минск, 1983, с. 167.

Л. Г. МОЩЕНСКАЯ

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВАРИАНТНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Обследование форм Р. п. ед. ч. существительных м. р. в устной и письменной форме литературного языка показало, что начиная с 30-х годов в современном русском литературном языке происходит активный односторонний процесс вытеснения флексией *-а* флексии *-у* во всех значениях Р. п., в том числе во фразеологических и обстоятельственных конструкциях, что привело к исчезновению Родительного парти-

ного как особого падежа русского языка, выделяемого русскими грамматистами в XIX — нач. XX веков. В результате происходящего процесса формы Р. п. с окончаниями *-у* и *-а* из разряда комбинаторных (позиционных) вариантов перешли в разряд системных, характеризующихся тождеством грамматического значения и высокой степенью независимости от контекста.

Как показали исследования, распространение флексии *-а* находится в прямой зависимости от частотности употребления лексем и синтаксических позиций форм Р. п. Высокочастотные бытовые лексемы более успешно сохраняют исконную флексию *-у*, чем среднечастотные и мало-частотные имена. Зависимость происходящего процесса от синтаксических условий нашла проявление в градации конструкций с Р. п., в которых с разной интенсивностью происходит замена флексии *-у* флексией *-а*. Наиболее консервативными в удержании старой флексии *-у* являются глагольные словосочетания со значением неполного объекта, далее по нисходящей шкале следуют наречные словосочетания, обозначающие меру, затем именные словосочетания. Наиболее активно идет процесс проникновения флексии *-а* в свободные синтаксические построения, в которых значение Родительного партитивного ослабляется вставкой зависимого слова.

По мнению исследователей, процесс вытеснения флексии *-у* флексией *-а* в устной форме литературного языка несколько отстает от письменной формы, о чем свидетельствует высокий процент форм на *-у* в диалогах драматических произведений (для 50—60-х годов 50,2 %) и в речи молодежи 60-х годов (34,7 %) ¹. И все же этот процесс по-прежнему привлекает к себе внимание. С позиции русского литературного языка не ясно, с какой интенсивностью происходит дальнейшее вытеснение *-у* флексией *-а* в устной и письменной сферах литературного языка в 70—80-х годах, так как ранее представленный материал ограничен временными рамками не позднее 50—60-х годов. В аспекте функционирования русского языка в условиях белорусско-русского двуязычия не известно, как отражается этот процесс в речевой практике белорусов, речь которых характеризуется полным белорусско-русским билингвизмом. С одной стороны, типологическая близость грамматических систем русского и белорусского языков и, в частности, употребление флексий *-у* и *-а* в Р. п. ед. ч. существительных м. р. представляет почти адекватный материал для характеристики данного процесса в русском литературном языке, с другой стороны, более широкая функциональная нагрузка флексии *-у* в белорусском литературном языке по сравнению с русским литературным языком предполагает сдерживающее влияние белорусского языка на процесс замены флексии *-у* флексией *-а* в русском языке. С этой целью были проанкетированы 285 белорусов-билингвов и 47 русских, проживающих в Минске ².

На основе анкетирования проанализированы 7707 словоформ Р. п. в речи белорусских информантов и 1334 словоформы в речи русских. Материал обследования показывает, что в речи белорусов-билингвов еще достаточно высок процент употребления форм на *-у* в Р. п. (1644 словоформы; 20,9 %), в разговорной речи русских частотность флексии *-у* несколько ниже (237 словоформ; 17,8 %). В обоих случаях флексия *-а* является основным вариантом Р. п.: соответственно 6063 словоформы; 79,1 % (для белорусов) и 1097 словоформ; 72,2 % (для русских). Эти данные ниже количественной характеристики флексии *-у* (25,15 %), приведенной в «Грамматической правильности русской речи», которая основывается на письменной разновидности русского литературного языка. Частотность флексии *-у* в речевой практике русских в какой-то степени подвергает сомнению вывод о том, что в разговорной речи процент форм на *-у* «еще высок» и она отстает от письменной речи в общем процессе экспансии флексии *-а* в русском языке ³.

Употребляемость флексий в партитивном значении Р. п. в зависимости от частотности лексем в русской речевой практике белорусов-би-

лингвов и русских представлена в таблице 1. Общая функциональная нагрузка флексии *-у* в партитивном значении Р. п. в речи белорусов-билингвов составляет 16 % (784 словоформы), флексии *-а* — 84 % (4114 словоформ); в речевой практике русских данные для флексии *-у* несколько ниже — 11,9 % (98 словоформ), для флексии *-а* — 88,1 % (723 словоформы).

Таблица 1

Распределение флексий в партитивном значении Р. п.

Лексемы	Белорусы		Русские		
	абсолютное число	%	абсолютное число	%	% ⁴
	<i>-а/-у</i>	<i>-у</i>	<i>-а/-у</i>	<i>-у</i>	<i>-у</i>
Квас	171/102	37,4	32/16	33,3	75,2
Сыр	318/106	25,0	63/13	17,1	48,8
Воск	147/51	34,7	33/5	15,1	47,8
Чай	161/149	26,1	79/19	19,4	42,1
Сахар	696/159	18,6	123/22	15,2	44,0
Табак	244/50	17,6	36/12	25,0	50,5
Лимонад	239/46	16,1	45/4	8,2	25,2
Кагор	206/46	18,3	37/9	19,6	27,3
Пирамидон	281/4	1,4	49/0		2,9
Алебастр	186/5	2,6	39/0		4,0
Цемент	278/7	2,5	49/0		
Уротропин	282/3	1,0	49/0		3,2
Джем	269/16	5,6	48/0		13,3
Шоколад	276/9	3,2	47/2	4,1	6,5

По сравнению с частотностью форм на *-у* в лексемах, приведенных в монографии «Русский язык по данным массового обследования», частотность форм на *-у*, зафиксированная в речи белорусов и русских, характеризуется резким уменьшением количественных соотношений. Если диапазон колебаний средних частот флексии *-у* в этой группе слов в 50—60-е годы характеризовался величинами от 0,752 до 0,029, то диапазон колебаний частот форм на *-у* в 80-е годы у белорусов-билингвов и русских намного ниже: соответственно от 0,374 до 0,010 (у белорусов) и от 0,333 до 0,041 (у русских). Частотность форм на *-у* за этот период уменьшилась в два раза, что свидетельствует об активно продолжающемся процессе наступления флексии *-а* в Р. п.

Высокочастотные слова продолжают сохранять большее количество форм на *-у*, но и у них произошли изменения в количественном соотношении вариантов Р. п. Если существительные *квас, воск, сыр, чай, лак, сахар, табак* имели варианты Р. п., характеризовавшиеся в употреблении как равновероятные (IV разряд количественных соотношений вариантов), то сейчас лексемы *квас, воск, чай* имеют такое соотношение флексий *-а* и *-у*, которое позволяет их отнести уже к III разряду вариантных пар с преимущественным употреблением флексии *-а*. Варианты Р. п. высокочастотных имен *сахар, табак*, как и среднечастотных слов *кагор, лимонад*, уже относятся ко II разряду вариантных пар, у которых флексия *-у* определяется как сравнительно употребляемая. Группа слов с низкой частотностью *джем, шоколад, алебастр, пирамидон, уротропин* традиционно входит в I разряд вариантных пар, но и у этих имен намного сократилась функциональная нагрузка флексии *-у*, которая характеризуется редким употреблением⁵.

В речевой практике русских, проживающих в Минске, круг высокочастотных лексем, сохраняющих флексию *-у* в Р. п., сокращается еще более: *квас, лак, табак* (III разряд вариантных пар), *сыр, воск, чай, сахар, кагор* (II разряд вариантных пар), *лимонад, шоколад* (I разряд вариантных пар). Почти у всех лексем с низкой частотностью (*пирамидон, алебастр, цемент, уротропин, джем*) флексия *-у* не отмечена.

Сопоставив среднюю частоту употребления форм на *-у* в русской речи белорусов-билинггов и русских, можно сделать вывод о том, что формы на *-у* в речевой практике русских (в одних и тех же лексемах), как правило, менее частотны, чем у белорусов. Можно с уверенностью предполагать, что в речи русских процесс вытеснения флексии *-у* в партитивном значении Р. п. происходит быстрее, чем в речевой практике двуязычных белорусов. Об этом свидетельствует не только резкое сокращение круга лексем, традиционно употреблявших флексию *-у* в родительном партитивном, но и общая количественная характеристика функциональной нагрузки флексии. Средняя частотность распространения форм на *-у* в партитивном значении Р. п. в речи белорусов составляет 0,160 (16 %), в речи русских — 0,119 (11,9 %), расхождение между этими частотами составляет 0,041 (4,1 %). Некоторая консервативность белорусов в сохранении флексии *-у* в своей русской речи объясняется не нормативным аспектом, а структурными особенностями обоих языков, влиянием белорусского языка на русский в условиях белорусско-русского двуязычия.

Материал показывает большое смещение норм устной речи русского литературного языка: даже высокочастотные вещественные существительные, ранее характеризовавшиеся нормативной флексией *-у* (наряду с *-а*), не сохранили присущую им норму. Несмотря на активный процесс вытеснения в Р. п. флексии *-у*, сохраняется общая закономерность позиционной закреплённости этой флексии: в глагольных сочетаниях со значением неполного объекта флексия *-у* представлена наиболее частотно: *купить лаку* (24,4; 26,3 %) ⁶, *купить воску* (34,7 и 15,1 %), *купил сыру* (26,5 и 15,8 %), *хотелось выпить квасу* (37,4 и 33,3 %), *взяли сыру* (30 и 18,4 %); несколько меньше формы на *-у* представлены в наречных сочетаниях: *положи побольше сахару* (28,2 и 31,2 %), *немного джему* (5,6 %), *промышленность выпустила больше сахару* (11,6 % — в последних двух случаях синтаксический фактор «перекрывается» частотностью лексемы *джем* и стилистической окраской контекста). Замыкают градацию именные сочетания: *чашка чаю* (20 и 20,4 %), *стакан кагору* (18,3 и 19,6 %), *стакан лимонаду* (16,1 и 8,2 %), *килограмм сахару* (15,4 и 14,6 %), *пачку табаку* (17,6 и 25 %), *таблетка пирамидону* (1,4 %), *полтонны алебастру* (2,6 %), *таблетка уротропину* (1 %), *плитка шоколаду* (3,2 и 4,1 %), *тонна цементу* (2,5 %).

Анкетный материал, полученный от белорусских информантов, не подтверждает как самую слабую синтаксическую позицию для флексии *-у* свободное синтаксическое построение, в котором партитивное значение Р. п. ослабляется вставкой зависимого слова. В таких словосочетаниях формы на *-у* более частотны, чем в других конструкциях. Ср.: *выпили по две чашки чаю* (57 словоформ; 20 %) и *выпил стакан крепкого чаю* (92 словоформы; 32,3 %). Материал, полученный от русских информантов, также свидетельствует в пользу того, что данные конструкции для форм на *-у* нельзя считать слабыми: в первом случае отмечено 14 словоформ на *-у* (20,4 %), во втором — 9 словоформ (18,4 %).

Анализ употребления флексий Р. п. во фразеологических сочетаниях и в конструкциях с обстоятельственными значениями (см. таблицу 2) также свидетельствует об однонаправленном выравнивании грамматической системы — уменьшении флексии *-у*, хотя этот процесс, сдерживаемый неравномерной лексикализацией форм, постепенным освобождением их от грамматического значения, происходит более медленно, чем в партитивном значении Р. п. Об этом свидетельствует общая ча-

Распределение флексий Р. п. во фразеологических и онареченных словосочетаниях

Словосочетания	Белорусы		Русские	
	абсолютное число	%	абсолютное число	%
	-а/-у	-у	-а/-у	-у
С испуга / с испугу	211/74	26,0	107/40	27,2
С края / с краю	124/161	56,5	76/71	48,3
Из леса / из лесу	148/137	48,1	79/68	43,3
Нет отбоя / нет отбою	242/43	15,1	126/21	14,3
Не хватает духа / духу	173/112	39,3	106/41	27,9
Не давать прохода / проходу	185/100	35,1	109/38	25,5
Не до смеха / не до смеху	188/10	5,1	108/2	1,8
С разбега / с разбегу	146/52	26,5	89/21	19,1
Нет прока / нет проку	96/134	58,3	83/64	43,5
Что с воза / возу упало, то пропало	263/23	7,6	132/15	10,2
Разговора / разговору быть не может	195/13	6,7	101/9	8,2

стотность употребления флексии *-у* во фразеологических и онареченных словосочетаниях. В речевой практике белорусов средняя частотность флексии *-у* 30,6 % (861 словоформа), флексии *-а* 69,4 % (1949 словоформ); в речевой практике русских этот показатель ниже: соответственно 27,1 (139 словоформ) и 72,9 % (374 словоформы). Расхождение между этими частотами довольно значительно (13,5 %), что подтверждает общую более активную направленность не сдерживаемого интерференцией процесса вытеснения форм на *-у* в русском языке.

Если в 50—60 годах в русском языке флексия *-у* в этом разряде конструкций характеризовалась как равноправный вариант (98 словоформ на *-а*, 99 словоформ на *-у*, что составляет 50,2 %⁷), то в 80-х годах она перешла в употребительный вариант, отдав предпочтение флексии *-а*. В речевой практике белорусов употребительность флексии *-у* уменьшилась на 19,6, в речевой практике русских — на 23,1 %.

Анализ материала показывает, что не все сочетания с одинаковой частотностью сохраняют флексию *-у*. Наиболее консервативными оказались конструкции *с краю*, *из лесу*, *нет проку*, у которых флексия *-у* составляет равновероятный вариант с флексией *-а* (IV разряд вариантных пар). В словосочетаниях *нет духу*, *не давать проходу*, *с разбегу* формы Р. п. относятся к III разряду вариантных пар, в конструкциях *нет отбою*, *не до смеху*; *что с возу упало, то пропало*; *разговору быть не может* флексия *-у* малоупотребительна (II и I разряды соотношений вариантных пар) и не может квалифицироваться как нормативная. Широкое распространение флексии *-а* в онареченных и фразеологических сочетаниях предполагает необходимость дальнейшего уточнения списка подобных словосочетаний, у которых флексия *-у* является нормативной.

При сравнении средних частот форм на *-у* во фразеологических и обстоятельственных конструкциях в речи белорусов и русских проявляется общая закономерность: более низкая функциональная нагрузка форм на *-у* у русских по сравнению с белорусами. Исключение составляют сочетания *разговору быть не может*; *что с возу упало, то пропало*, у которых форма на *-у* несколько употребительнее у русских, чем у белорусов. Некоторая пристрастность белорусов-билингвов к флексии *-у* во фразеологических и обстоятельственных сочетаниях, как и в парти-

тивном значении Р. п., может быть объяснена только влиянием белорусского языка на русский.

Анализ употребления флексий *-а* и *-у* в речевой практике белорусов-билингвов и русских, проживающих на территории Белоруссии, подтвердил ранее сделанные выводы о нормативности флексии *-а* для выражения партитивного значения Р. п. и для фразеологических и онареченных словосочетаний. Аналогическое выравнивание формального плана Р. п. в связи с малой противопоставленностью грамматических значений продолжает развиваться в более быстром темпе, чем в 50—60-х годах. Вопреки распространенному мнению, в разговорной речи формы на *-у* в Р. п. подвергаются более быстрой нейтрализации и дальнейшему исчезновению, чем в письменной разновидности литературного языка. В разговорной речи процесс конвергенции флексий *-а* и *-у* *-а* × *-у* → *-а* почти закончился, в то время как в письменной он сдерживается традиционностью норм употребления.

Сопоставительный анализ функционирования флексии *-у* в речевой практике белорусов-билингвов и русских, проживающих в Белоруссии, позволил выявить некоторую консервативность белорусов в употреблении форм на *-у* по сравнению с русскими. У русских процесс вытеснения флексии *-у* происходит быстрее, чем у белорусов. Эту консервативность белорусов можно объяснить только влиянием белорусского языка на русский литературный в условиях белорусско-русского двуязычия.

¹ См.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.— М., 1968, с. 186, 191. Вряд ли являются полноправными примеры, взятые из диалогов драматических произведений для иллюстрации процесса, происходящего в разговорной речи, так как они, как правило, являются конденсацией разговорных форм, которая в реальной речи представлена менее частотно.

² В сборе материала принимали участие студенты-филологи Белгосуниверситета имени В. И. Ленина.

³ См.: Граудина Л. К. и др. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов.— М., 1976, с. 121.

⁴ Данные взяты из монографии «Русский язык по данным массового обследования».— М., 1974, с. 169.

⁵ См.: Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты.— М., 1980, с. 121.

⁶ Здесь и далее первая цифра обозначает результаты, полученные от белорусских информантов, вторая — от русских информантов.

⁷ См.: Русский язык и советское общество, с. 186.

Н. Б. МЕЧОВСКАЯ

МЕТАЯЗЫК РАНИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИК

Для характеристики метаязыка восточнославянских грамматик XVI—XVII веков существенны три взаимосвязанных аспекта: 1) материально-языковая основа метаязыка и источники грамматической терминологии как ядра метаязыка; 2) функции терминов в начальных грамматических описаниях; 3) средства представления лингвистического содержания в ранних грамматиках. В настоящей статье рассмотрены первые два аспекта.

Появление первопечатных восточнославянских грамматик (Адельфотис. Грамматика доброглаголиваго еллинославенскаго языка.— Львов, 1591; Лаврентий Зизаний. Грамматика словенска.— Вильна, 1596; Мелетий Смотрицкий. Грамматики славенския правильное синтагма.— Евъе, 1619, 2-е изд. Москва, 1648, 3-е изд. Москва, 1721) относится к тому времени, когда создаются первые грамматики новых (народных) языков Европы. Однако в отличие от грамматик новых европейских языков, в ранних восточнославянских грамматиках описывался не народный язык, а церковнославянский — надэтнический литературный язык в ареале *Slavia Orthodoxa*. Исключение составляет адресованная западному читателю рукописная «Грамматыка словенская» Иоанна Ужевича